

Моим родителям

Сегодня, пятого ноября, я начинаю свои записки. Запишу все как можно точнее. Но не знаю даже, действительно ли сегодня пятое ноября. Минувшей зимой я потеряла счет дням. Указать день недели тоже не могу. Правда, не думаю, что это так уж важно. Записки мои будут отрывочными, поскольку я никогда не предполагала их писать и боюсь, что оставшиеся у меня в памяти события на самом деле были не совсем такими.

Это, должно быть, недостаток любых записок. Я пишу не потому, что мне доставляет удовольствие писать; просто случилось так, что я должна писать, если не хочу лишиться рассудка. Здесь ведь нет никого, кто бы мог подумать и позаботиться обо мне. Я совсем одна и должна как-то пережить долгую темную зиму. Не рассчитываю, что эти записки когда-либо найдут. Не знаю даже, хотелось бы мне этого или нет. Может, пойму, когда допишу до конца.

Я стала писать, чтобы не глядеть в темноту и не бояться. Потому что я боюсь. Со всех сторон ко мне подступает страх, и я не собираюсь ждать, ког-

да он настигнет меня и погубит. Буду писать, пока не стемнеет, и надеюсь, эта новая непривычная работа утомит меня, мысли уйдут и я усну. Утра я не боюсь, боюсь только долгих мрачных сумерек.

Не знаю точно, который час. Должно быть, около трех. Мои часы потерялись; но и прежде особого толку от них не было. Крохотные золотые часики на браслете, собственно говоря, просто-напросто дорогая игрушка, они никогда не шли точно. У меня есть шариковая ручка и три карандаша. Паста в ручке почти высохла, писать же карандашом я очень не люблю. Написанное трудно потом разбирать. Тонкие серые линии плохо видны на желтоватой бумаге. Но выбора-то у меня нет. Пишу на обороте старых календарей и на пожелтевшей почтовой бумаге. Бумага осталась от Гуго Рютлингера, ипохондрика и страстного коллекционера.

Вообще-то говоря, мне следовало начать эти записки с Гуго, ведь не будь его страсти к собирательству и ипохондрии, я бы сегодня тут не сидела, может быть, меня вообще бы уже не было на свете. Гуго был мужем моей кузины Луизы и довольно состоятельным человеком. Источником его благосостояния была котельная фабрика. Котлы, которые делал Гуго, — совсем особенные котлы. К сожалению, я забыла, в чем состояла эта особенность его котлов, хотя мне и объясняли много раз. Впрочем, это совершенно не относится к делу. Во всяком случае, Гуго был так богат, что был вынужден позволить себе нечто особенное. Вот он

и позволил себе охоту. С таким же успехом он мог купить скаковую конюшню или яхту. Но лошадей Гуго боялся, и стоило ему ступить на палубу, как у него начиналась морская болезнь.

Охоту он тоже держал исключительно ради престижа. Был никудышным стрелком, да и претило ему убивать безобидных косуль. Он приглашал деловых партнеров, и те вместе с Луизой и егерем осуществляли плановый отстрел, а Гуго тем временем сидел в шезлонге перед охотничьим домиком, сложа руки на животе, и дремал на солнышке. Он был так загнан и задерган, что засыпал, едва опустившись в шезлонг: огромный толстый мужчина, измученный неясными страхами и осаждаемый заботами со всех сторон.

Он мне очень нравился, я тоже любила лес и спокойные дни в охотничьем домике. Ему не мешало, если я была где-нибудь поблизости, пока он спал в шезлонге. Я гуляла, не заходя далеко в лес, и наслаждалась тишиной после городского шума.

Луиза была заядлой охотницей; здоровое рыжеволосое создание, она заводила роман с каждым встречным мужчиной. Ненавидя хозяйство, она радовалась, что я немного присматриваю за Гуго, варю между делом какао и готовлю ему бесконечные микстуры. Он же панически боялся заболеть, тогда я не могла понять этого как следует; жизнь его была сплошной гонкой, единственное же удовольствие — вздремнуть на солнышке. Он был очень мнительным и — как мне кажется — во всем, что

не касалось его фирмы (что само собой разуме-лось), боязливым, как малый ребенок. Очень любил завершенность и порядок и отправлялся в до-рогу не иначе как с двумя зубными щетками. У не-го всех предметов обихода имелось по несколько штук; казалось, это прибавляет ему уверенности. Он был весьма образован, тактичен, а в карты иг-рал плохо.

Не припомню, довелось ли мне хоть раз вести с ним серьезный разговор. Иногда он предприни-мал слабые попытки такого рода, но очень быстро оставлял их то ли из робости, то ли просто не же-лая тратить силы. В любом случае меня это устраи-вало — из такого разговора для нас обоих не выш-ло бы ничего, кроме конфуза.

Тогда все время говорили об атомной вой-не и ее последствиях, что подвигло Гуго сделать в охотничьем домике небольшой запасец продук-тов и других необходимых вещей. Луиза, считав-шая все это бессмыслицей, злилась и боялась, что по округе пойдут разговоры и в дом кто-нибудь за-лезет. Может, она и была права, но в таких случа-ях упрямство Гуго было ничем не сломить. У него начинались сердечные приступы и боли в желудке, пока Луиза не сдавалась. А вообще-то ей это было глубоко безразлично.

Тридцатого апреля Рютлингеры пригласили ме-ня поехать с ними. К тому времени я уже два го-да как овдовела, обе мои дочери были почти взро-слыми, и я могла проводить время как мне угодно.

Честно говоря, я не очень-то пользовалась предоставившейся свободой. По натуре я домоседка, дома мне лучше всего. Исключения я делала только для приглашений Луизы. Я любила охотничий домик и лес и готова была ехать на машине хоть три часа. Вот и тогда, тридцатого апреля, я приняла приглашение. Мы собирались провести здесь три дня и больше никого не приглашали.

Собственно говоря, охотничий домик — это двухэтажная деревянная вилла, построенная из толстых бревен, она и сегодня в хорошем состоянии. На первом этаже — большая кухня, она же — столовая и гостиная в деревенском стиле, рядом — спальня и маленькая комнатка. На втором этаже, окруженном деревянным балконом, — три небольшие комнаты для гостей. В одной из них я тогда и ночевала. Шагах в пятидесяти, на склоне у ручья, стоит скромный домик егеря, собственно, избушка в одну комнату, а рядом с ней, у самой дороги, Гуго распорядился построить дощатый гараж.

Так вот, после трехчасовой поездки мы остановились в деревне, чтобы забрать у егеря собаку Гуго. Пса, баварскую легавую, звали Лукс, и хотя он принадлежал Гуго, но вырос у егеря, он его и натаскивал. Удивительно, как это егерю удалось внушить псу, что его хозяин — Гуго. Во всяком случае, Луизу он не признавал, не слушался и старался не иметь с ней дела. В отношении меня пес сохранял дружественный нейтралитет и любил держаться поблизости.

Это было красивое животное с темной рыже-вато-коричневой шерстью, великолепная охотничья собака. Мы немного поболтали с егерем и договорились, что следующим вечером он отправится с Луизой на охоту. Она собиралась подстрелить косулю: как раз первого мая начинался охотничий сезон. Разговор несколько затянулся, как обычно бывает в деревне, но даже Луиза, которой никогда этого было не понять, сдерживала нетерпение, чтобы не раздражать егеря, поскольку не могла без него обойтись.

До домика мы добрались только к трем. Гуго немедленно взялся перетаскивать новые припасы из багажника в комнату за кухней. Я сварила на спиртовке кофе, и, перекусив, Луиза предложила Гуго, только что пристроившемуся подремать, еще раз прогуляться с ней в деревню. Разумеется, только из вредности. Так или иначе, она очень ловко взялась за дело, объявив, что движение необходимо для здоровья Гуго. К половине пятого она наконец добилась своего и, торжествуя, отбыла вместе с ним. Полагаю, они приземлились в деревенском трактире. Луиза любила общаться с лесорубами и деревенскими парнями, ей и в голову не приходило, что эти простаки могут втихомолку потешаться над ней.

Я убрала со стола посуду и повесила одежду в шкаф; закончив, присела на скамейке перед домом, на солнышке. Стоял чудесный теплый день, и, судя по прогнозу, хорошая погода должна была

держаться. Солнце стояло низко над елями и вскоре село. Охотничий домик находился в маленькой котловине в конце ущелья, у подножья крутых гор.

Греясь в последних лучах солнца, я увидела, что Лукс возвращается. Наверное, он отказался слушаться Луизу, и в наказание она отправила его обратно. Видно было, что она его отругала. Подойдя, он огорченно на меня поглядел и положил голову мне на колени.

Так мы просидели некоторое время. Я гладила Лукса и утешала его — я знала, что Луиза совершенно не умеет обращаться с собакой.

Когда солнце скрылось за елями, похолодало и на прогалину легли синие тени. Мы с Луксом пошли домой, я затопила большую печь и стала готовить что-то вроде плова. Конечно, этого можно было и не делать, но я проголодалась и к тому же знала, что Гуго любит настоящий, горячий ужин.

В семь часов моих хозяев еще не было. Да я и не рассчитывала, что они вернуться раньше полдевятого. Я накормила собаку, поужинала своей порцией плова и села читать при свете керосиновой лампы газеты, привезенные Гуго. От тепла и тишины меня разморило. Лукс залез под печку, он тихо и довольно сопел. В девять я решила лечь спать. Заперла дверь, а ключ взяла с собой наверх. Я так устала, что тут же уснула, несмотря на то что постель была холодная и сырая.

Проснувшись оттого, что солнце светило мне в лицо, и сразу вспомнила прошлый вечер. По-

сколько мы захватили только один ключ от дома, а второй был у егеря, Луиза и Гуго, вернувшись, непременно должны были разбудить меня. Накинув халат, я помчалась вниз и отперла входную дверь. Лукс уже ждал, повизгивая от нетерпения, и пулей вылетел на улицу. Я зашла в спальню, хотя и была уверена, что никого там не обнаружу, ведь окна забраны решетками, да Гуго не смог бы влезть даже в незарешеченное окно. Разумеется, постели были не смяты.

Было восемь утра; судя по всему, они остались в деревне. Я страшно удивилась. Гуго ненавидел чужие короткие кровати, и он ни за что не допустил бы, чтобы я осталась на всю ночь одна. Я ума не могла приложить, что случилось. Вернулась в свою комнату и оделась. Было еще очень свежо, и на черном «мерседесе» Гуго блестела роса. Вскипятив чаю, я немного согрелась, а потом мы с Луксом отправились в деревню.

Я едва замечала холод и сырость в ущелье, ломая голову, что же могло приключиться с Рютлингерами. Может, Гуго стало плохо с сердцем? Привыкнув к тому, что он всегда хандрит, мы перестали принимать его недомогания всерьез. Я ускорила шаг и послала Лукса вперед. Он помчался с радостным лаем. Я не надела горных ботинок и теперь, спотыкаясь, брела за ним по острым камням.

Дойдя до конца ущелья, я услышала, как Лукс взвыл от боли и испуга. Я обошла штабель бревен, из-за которого ничего не было видно, но обнару-

жила за ним только воющего Лукса. Из пасти у него капала красная слюна. Я наклонилась и погладила его. Он прижался ко мне, дрожа и повизгивая. Должно быть, прикусил язык или сломал зуб. Когда я собралась идти дальше, он поджал хвост, заступил дорогу и стал толкать меня назад.

Я не видела ничего, что могло бы его так напугать. В этом месте дорога выходит из ущелья, и, насколько хватало взгляда, она пустынно и мирно лежала в лучах утреннего солнца. Я недовольно оттолкнула собаку и пошла дальше одна. Хорошо, что Лукс пытался задержать меня — уже через несколько шагов я сильно ударилась обо что-то лбом и отшатнулась.

Лукс снова заскулил и прижался к моим ногам. Я ошеломленно вытянула руку и коснулась чего-то холодного и гладкого: холодное и гладкое препятствие там, где не могло быть ничего, кроме воздуха. Помедлив, я повторила попытку, и рука вновь наткнулась на что-то вроде оконного стекла. Затем я услышала громкий стук и озиралась до тех пор, пока не поняла, что это колотится мое собственное сердце. Мое сердце испугалось раньше меня.

Я присела на бревно возле дороги и попыталась собраться с мыслями. Безуспешно. У меня вдруг не осталось ни единой мысли. Лукс подобрался поближе, его кровавая слюна капала мне на пальто. Я гладила его, пока он не успокоился. Некоторое время мы оба глядели на дорогу, что так тихо и мирно лежала в лучах утреннего солнца.